

ПРООБРАЗЫ МГИМО: ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А.И. Кузнецов

Министерство иностранных дел Российской Федерации. Россия, 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34.

В статье рассматривается история зарождения и развития специального образования дипломатов в дореволюционной России, которое совершенствовалось по мере численного роста и профессионализации дипломатической службы, расширения внешних связей страны и усложнения международных отношений. Отмечается, что образование специализированных внешнеполитических ведомств и постоянных дипломатических представительств вызвали потребность в специалистах с дипломатическими способностями и качествами. Главными направлениями совершенствования подготовки дипломатов в России были постепенное повышение роли высшего образования в приеме на дипломатическую службу и постепенное усложнение вступительных экзаменов в МИД, для сдачи которых требовались специальные знания в таких областях, как история, экономика, право, страноведение и др. В статье анализируется роль университетов, лицеев и Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в профессиональной подготовке дипломатов. Автор предлагает подробный анализ эволюции подходов МИД Российской империи к повышению требований к подготовке дипломатов, роли образовательного ценза и вступительных экзаменов при приеме на дипломатическую службу, что к концу его существования вплотную подвело внешнеполитическое ведомство к идее о необходимости создания специального образовательного центра. В новых условиях, как писал известный советский дипломат А.Г. Ковалёв, «правильнее и реалистичнее ставить вопрос о качествах и достоинствах, которыми должна обладать дипломатическая служба данной страны в целом, а не отдельные её представители». Именно эта перемена сделала такие учебные центры, как МГИМО(У), Дипломатическая академия и профильные факультеты других российских вузов ключевыми звеньями в формировании специалистов-международников современного типа. Российская дипломатия XXI в., восстанавливая историческую преемственность, продолжает следовать лучшим традициям своих предшественников.

Ключевые слова: МИД Российской империи, Азиатский департамент, Учебное отделение восточных языков, специальное дипломатическое образование, образовательный ценз, дипломатические экзамены.

Стремительно меняющаяся структура международных отношений ставит новые задачи для подготовки дипломатических кадров. Расширяется круг проблем, входящих в сферу деятельности дипломатов, обновляется ее инструментарий. Получают развитие новые направления, такие, как применение «мягкой силы». Но при этом никем не отменяются традиционные требования к деловым и личным качествам дипломата, сформулированные еще в XVII – XVIII вв. и с тех пор не претерпевшие существенных изменений. Особенность дипломатической профессии в том и состоит, что потребность в постоянном самоусовершенствовании сочетается в ней с приверженностью принципам, традициям и навыкам, которые проверены многовековым историческим опытом.

Эта особенность в полной мере относится к дипломатическому образованию. Обозревая основные этапы его зарождения и развития, можно проследить некоторые общие закономерности, способные послужить ориентиром для понимания стратегии подготовки дипломата в современную эпоху. Общеизвестно, что дипломатия относится к числу древнейших видов человеческой деятельности. Тем не менее прошли многие века, прежде чем она стала профессией и превратилась в специфическую отрасль государственной службы, подчиненную не только законам и правилам данного государства, но и общепринятым международным нормам. Два фактора сыграли здесь ключевую роль:

- образование специализированных внешнеполитических ведомств, как прообразов современных министерств иностранных дел;
- формирование постоянных дипломатических представительств.

И те, и другие необходимо было обеспечить специализированными кадрами, постепенно переходя от их отбора из числа лиц других профессий к формированию дипломатических служб, укомплектованных в основном людьми, посвятившими себя этому поприщу целиком и с молодых лет. Именно тогда начала зарождаться идея о необходимости специальной подготовки дипломатов. Еще на рубеже XVII – XVIII вв. в трудах Ф. Кальера, А. Пеке, Руссо де Шамуа и других теоретиков и практиков дипломатии ставился вопрос о целенаправленном развитии у молодых дипломатов способностей и качеств, потребных для данной профессии. С редким единодушием в них говорилось о необходимости приобретения как действующими, так и будущими дипломатами специальных познаний в таких областях, как история, экономика, право, страноведение и др. Весь последующий опыт мировой дипломатии лишь подтвердил обоснованность этих рекомендаций.

Тем не менее до практического воплощения идеи особого дипломатического образования было еще очень далеко. Одним из главных препятствий была малочисленность дипломати-

ческих служб. Например, в Форин Офисе Британской империи даже в 20-х гг. XIX в. работало всего 28 человек, в МИД Франции – 55. До реформы 1816 г. британские послы, направляясь за границу, имели право взять с собой за казенный счёт лишь одного секретаря, а остальных помощников должны были набирать среди сыновей родственников и знакомых. В России в тот же период на службе в МИД состояло 300 человек, но значительная их часть приходилась на лиц, «приписанных» к министерству, которые не получали жалованья и фактически не участвовали в практической работе. Кроме того, во всех европейских странах, включая Россию, сказывалась инерция давней практики назначения на ответственные дипломатические посты придворных, военных и гражданских деятелей на основе личного доверия со стороны царствующего монарха.

В подобных условиях даже в передовых странах, в частности во Франции, попытки создать подготовительную школу для дипломатов, дважды предпринимавшиеся в XVIII в. и в начале XIX в., не увенчались успехом. Существовавшее в Страсбурге в XVIII в. частное дипломатическое училище Шефлина и Коха (в нём учились Меттерних, а также известные русские дипломаты Стакельберг, Разумовский и Убри) было скорее исключением из общего правила.

В России ещё в момент образования Петровской Коллегии иностранных дел один из её организаторов – А.И. Остерман указывал на необходимость укомплектовать ее людьми «из знатных и честных домов, доброго житья», которые, как он указывал, во всех цивилизованных странах определяются к дипломатической службе. Россия, по его мнению, больше других государств нуждалась в таких людях, поскольку граничит со многими народами, «о которых инде неизвестно». Фактически впервые был поставлен вопрос о необходимости иметь специализированные дипломатические кадры для работы на Востоке.

Однако прошло ещё около столетия, прежде чем идея специального дипломатического образования в России приобрела конкретные очертания. Существовало несколько проектов на этот счёт, которые руководители Коллегии и другие государственные деятели вносили на рассмотрение императоров Павла I и Александра I. Они отличались разной глубиной проработки. Некоторые из них носили утопический характер. Но в целом это была уже достаточно чёткая концепция дипломатического образования. Например, в 1803 г. товарищ министра иностранных дел А.Е. Чарторыйский в письме министру просвещения П.В. Завадовскому дал подробные разъяснения относительно предметов, которые должны изучать будущие дипломаты.

Помимо иностранных языков, в первую очередь французского и немецкого, он называл

■ История

историю главнейших государств, различные отрасли права и законодательства, сокращённый курс римского гражданского права, нумизматику, хронологию, геральдику, курс политики управления государств, всеобщую статистику и политическую экономию. О широте подхода А.Е. Чарторыйского к подготовке и воспитанию дипломата свидетельствует его предложение включить в учебную программу «изящные науки и художества» [9, л. 37–39]. Тем не менее этот проект, как и предыдущие, не получил поддержки со стороны верховной власти.

Поэтому реальной датой рождения специального дипломатического образования в России можно считать 1823 г., когда было учреждено Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. 190-летие со дня его основания по праву отмечается ныне как важная веха в истории отечественной дипломатии. Учебное отделение выпустило немало ярких специалистов, стало одним из центров отечественного востоковедения. Наряду с восточными там велось преподавание западных языков и других дисциплин, включая древнюю и новую историю, географию Азии, а позже нумизматику, мусульманское и международное право. Со временем количество изучаемых языков значительно возросло, а срок обучения увеличился с двух до трёх лет. На учёбу принимались после тщательного отбора выпускники восточного отделения Петербургского и Казанского университетов, а также Лазаревского института восточных языков.

В то же время нельзя не видеть, с какими трудностями проходило становление этого учебного центра. Архивные документы свидетельствуют о том, что ему постоянно приходилось бороться за своё существование. Не хватало преподавателей и финансовых средств, набор учащихся порой приостанавливался из-за отсутствия вакансий в МИД. Руководители Учебного отделения не раз были вынуждены отбивать попытки его поглощения со стороны Министерства народного просвещения и других учебных заведений. Явным был и недостаток стимулов для его питомцев. Например, выпускник Петербургского университета имел такие же права на поступление на службу в МИД и получение гражданских чинов, как и выпускник отделения, учившийся на два–три года больше. Ему даже не выдавался диплом об окончании. Только много лет спустя был установлен соответствующий нагрудный знак. Неудивительно, что число желающих поступить туда на учёбу, как и количество вакантных мест, было весьма ограниченным. За период с 1823 по 1907 г. Учебное отделение выпустило лишь 220 специалистов [12, лл.14–16].

В целом приходится признать, что в развитии системы подготовки дипломатических кадров в старой России этот учебный центр был скорее узкой тропинкой, нежели столбовой дорогой. В основе скептического отноше-

ния к подобным центрам лежало традиционное представление о дипломатии как особом роде деятельности, успех которой зависит больше от личных способностей, чем от образования и специальной подготовки. Такой точки зрения придерживались многие русские дипломаты. Например, как считал один из маститых послов конца XIX – начала XX в. А.И. Нелидов, «для успешного занятия дипломатической должности по МИД недостаточно одной умственной подготовки и образовательного ценза. Среда, в которой дипломатический чиновник призван возвращаться за границу, требует известных особых условий образования и личного предствительства, на которые необходимо обращать серьезное внимание» [5, л. 84].

Схожее мнение высказывал министр-резидент в Бадене Д.А. Эйхлер: «Дипломатия не наука, а искусство... Учебник дипломатии, как учебник живописи, может указать на формы, содержание же зависит от природных дарований отдельных личностей, которые расширяются практикой и знанием, но не приобретаются ими» [6, л. 9 об.]. Подобный взгляд был распространён вплоть до конца существования дореволюционного МИД. Летом 1917 г. в ходе заседания комиссии по реформе условий прохождения службы один из старейших послов, М.Н. Гирс, говорил, что специализированная подготовка дипломатов «может дать – да и то через много лет – лишь хороших ремесленников, а отнюдь не людей таланта, последние же, конечно, нужнее первых» [8, л. 13].

На практике главными направлениями совершенствования подготовки дипломатов в России были постепенное повышение роли высшего образования в приёме на дипломатическую службу и столь же постепенное усложнение вступительных экзаменов в МИД, для сдачи которых требовались специальные знания. Сейчас это может показаться странным, но до принятия нового закона о МИД в 1912 г. образовательного ценза, то есть требования о наличии высшего образования для поступления на службу в министерство, не существовало. Разумеется, это не означало, что высшему образованию не придавалось значения. МИД был одним из самых культурных государственных учреждений России. Если в конце XIX в. в целом по стране люди с высшим образованием составляли около 40% госслужащих, то в МИД их число доходило до 70–80%. Существовали привилегированные учебные заведения, выпускники которых пользовались преимуществом при поступлении в МИД.

К их числу принадлежали в первую очередь Александровский (ранее Царскосельский) лицей и Училище правоведения. Второй директор лицея Энгельгардт организовал специальные занятия с лицеистами, решившими поступить на службу в Министерство иностранных дел. По его просьбе из министерства присылали дипломатические документы, которые лицеисты усердно разбирали, переписывали и таким образом на

конкретном материале учились будущей специальности [13, с. 196]. Из стен лицея, овеянного славой Пушкина, вышли пять министров иностранных дел: А.М. Горчаков, Н.К. Гирс, А.Б. Лобанов-Ростовский, А.П. Извольский и С.Д. Сазонов. Однако при всём значении этой «кузницы» дипломатических кадров она не была специализированным дипломатическим учебным заведением, а предназначалась для подготовки государственных служащих широкого профиля. Из-за малочисленности дипломатической службы на неё поступали в среднем лишь 10% учащихся каждого выпуска. Например, из 1621 человека, выпущенного из лицея с момента основания до 1905 г., в МИД поступило 178, то есть немногим более 10%. Из 687 лиц, находившихся в 1905 г. на службе в МИД и за границей, выпускников Александровского лицея было 69 человек, то есть опять примерно 10% [15, с. 185–186].

Учебная программа лицея носила весьма широкий гуманитарный характер, отвечая высшим европейским образовательным стандартам своего времени. С этой точки зрения она наилучшим образом соответствовала господствовавшим в данный период представлениям об объеме знаний и уровне культуры, которыми должен обладать будущий дипломат. К середине 1880-х гг. эта программа, по существу, мало отличалась от учебной программы юридического факультета Петербургского университета и включала среди прочих дисциплин международное право, государственное право и политическую экономию и статистику, то есть те предметы, которые входили в программу дипломатического экзамена. Весьма существенная привилегия лицея, как и Училища правоведения, состояла в том, что по окончании его питомцы получали на один чин выше выпускников университетов.

В первые годы своего существования лицей отличался высоким уровнем не только образования, но и нравственного воспитания. Будущий министр Н.К. Гирс отмечал в своих мемуарах: «Я не могу сказать, что я научился там всему, что обязан знать хорошо образованный молодой человек. Тем не менее я действительно научился там пользе знаний, и я приобрёл там желание учиться. И, что самое важное, я приобрёл понятия о чести и благородстве ума, которое составляет сердцевину лицейского образования» [19, р. 57]. Высокая оценка этого образования дана и в воспоминаниях дипломата более позднего поколения – Н.А. Базили [18, р. 5].

Вместе с тем, по мнению Н.К. Гирса, с переездом из Царского Села в Петербург в 1841 г. многое в лицее начало меняться не в лучшую сторону. Такая оценка подтверждается и выпускником 1875 г. А.П. Извольским. В сохранившихся черновых набросках его воспоминаний отмечаются скудные материальные условия жизни лицеистов, низкий уровень педагогов и воспитателей, а также общая атмосфера «косности мысли» и «недостаточного интереса к

происходившим в то время политическим, умственным и литературным течениям». Сумму знаний, полученных в лицее, А.П. Извольский оценивает как недостаточную. Представляют интерес его наблюдения, указывающие на то, что по социальному составу и настроениям учащихся лицей во многом был прообразом МИД. Большинство лицеистов составляли «сыновья петербургских чиновников, дослужившихся до потомственного дворянства. Многие были нерусского происхождения... Среди помещичьих детей было не более половины русских, другую половину составляли остзейцы». Основная масса лицеистов стояла в стороне от общественной жизни, хотя «нельзя сказать, чтобы среди нас было развито и реакционное направление». Лицей и в ту пору оставался «либерально-дворянским» учебным заведением. Однако лицеисты «дышали какой-то искусственной атмосферой», питаясь главным образом надеждами на успешную карьеру [10].

Развитию специального дипломатического образования препятствовал сословный принцип отбора кадров. Руководство МИД не хотело ограничивать себя жёсткими формальными требованиями при приёме на службу, поскольку по традиции отдавало предпочтение выходцам из аристократии, как это делалось в то время почти во всех странах Европы. Сама по себе принадлежность к дворянскому сословию подразумевала наличие необходимой образованности, включая знание иностранных языков, домашнее воспитание и общую культуру. Все остальное считалось делом природного ума и практического опыта. К тому же дворянский титул имел для дипломата своего рода «прикладное» значение: в условиях монархической Европы он открывал для него в стране пребывания больше дверей, чем университетский диплом. Но в России существовал не переизбыток, а наоборот, недостаток дипломатов из числа титулованной знати, процент которых на российской службе был ниже, чем в таких странах, как, например, Великобритания и Австро-Венгрия.

Вследствие этого вплоть до начала XX в. на дипломатической службе, хотя и в единичных случаях, встречались лица, не имевшие не только университетского, но и гимназического диплома, а получившие «домашнее образование». Например, в 1897–1898 гг. среди принятых в МИД с незаконченным гимназическим образованием был один человек; лица без высшего образования составляли 17% [7]. Однако в некоторых дворянских семьях качество «домашнего образования» подчас не уступало, а даже превосходило уровень гимназического.

Все же общий уровень и качество русского университетского, лицейского и гимназического образования обеспечивали довольно высокий культурный уровень будущих дипломатов и до известной степени компенсировали им недостаток специальной подготовки. Представляет интерес оценка царского дипломата

■ История

А.Д. Калмыкова, по воспоминаниям которого гимназическое образование было «средневековым по содержанию, но удивительным образом развивавшим умственные способности» [17, р. 9]. Как отмечал в 1909 г. ведущий английский специалист по вопросам образования в России Т. Дарлингтон, «русский юноша, окончивший курс гимназии или *realschule*, несомненно, был лучше развит, чем его сверстник из английской *паблик-скул*» [17, pp. 213–214].

До середины XIX в. сословный принцип подбора кадров в целом себя оправдывал, поскольку престиж дипломатической службы был очень высок. В этом отношении соперничать с дипломатами могли только офицеры императорской гвардии. Однако во второй половине столетия ситуация начинает меняться. Уже в 70-х гг. МИД начинает бить тревогу по поводу падения привлекательности дипломатической службы для наиболее знатной и образованной дворянской молодёжи. За полвека, с середины XIX до начала XX в., доля дворян в её составе сокращается с четырёх пятых до двух третей. Кадровый состав МИД приходится всё больше «разбавлять» выходцами из так называемого «служилого дворянства» и других сословий.

А после революции 1905 г., с переходом к парламентской монархии, сословные перегородки и вовсе начинают исчезать. Перед Первой мировой войной из принятых на службу в МИД титулованные дворяне составляли менее 5%, выходцев из крестьян было в два раза больше. Это естественным образом заставило МИД сделать главным критерием подбора кадров наличие высшего образования, которое тогда-то и стало обязательным. Вместе с тем образование, полученное до поступления на службу, разумеется, не гарантировало наличия способностей и навыков, необходимых для дипломатической работы. Кроме того, развитие международных отношений требовало от дипломатов постоянного расширения специальных знаний, особенно в правовой и экономической областях.

К концу XIX столетия за время, истекшее после реформы министерства, предпринятой в 1868 г. по инициативе А.М. Горчакова, количество дипломатических представительств России за рубежом увеличилось почти в полтора раза. Если в 1868 г. существовало 102 учреждения (58 в европейских странах и 44 – на Востоке) с персоналом в количестве 291 человек, то в 1897 г. Россия имела 147 представительств, из них 78 – в европейских государствах и 69 – в восточных с составом 376 чиновников [4, л. 89]. К 1912 г. число штатных представительств возросло до 175, включая 140 консульских учреждений [11, л. 40]. Столь значительное расширение представительства России в мире требовало не только численного роста, но и качественного изменения личного состава дипломатической и консульской служб.

Начиная с середины XIX в. руководство МИД стремилось решать эту проблему с помо-

щью двухступенчатой системы экзаменов, которая включала «предварительное испытание» для зачисления на службу в министерство, а затем – специальный «дипломатический» экзамен, после успешной сдачи которого чиновник мог претендовать на зачисление в Канцелярию министра или на дипломатическую должность за границей.

Установленные ещё в царствование Александра I «предварительные испытания» для поступающих на государственную службу были значительно усложнены и модифицированы применительно к условиям дипломатической службы. Новые «правила для определения на службу по Министерству иностранных дел» были введены в 1859 г. [16, с. 38–40]. В дальнейшем они неоднократно дополнялись и корректировались (в 1875, 1876, 1899, 1909 и 1912 гг.), однако заложенная в них общая концепция отбора кадров не претерпела радикальных изменений. Суть её заключалась в создании «фильтра», который позволял принимать на службу в МИД способную и образованную молодёжь и в то же время ограничивать приток случайных людей, стремившихся попасть в министерство по протекции либо перейти туда из других ведомств.

В циркуляре 1859 г. бросается в глаза существенное различие между содержанием «предварительного испытания» и «дипломатического» экзамена. В первом случае речь шла лишь об «испытании способностей» к работе в том конкретном подразделении МИД, куда желал поступить кандидат. О способе проверки при этом не говорилось, из чего можно заключить, что данное испытание носило характер собеседования с целью составить общее впечатление о кандидате и определить в принципе его пригодность к работе в министерстве. Учитывая распространённое тогда мнение, что дипломат должен обладать светскими способностями и иметь соответствующий внешний вид, манеры поведения и т.д., такой первый контакт имел немаловажное значение. В то же время, избегая жёсткой регламентации предварительного испытания, руководство МИД проявляло известную гибкость, следуя своей давней традиции сравнительно легко принимать на службу лиц (как правило, по личным рекомендациям), многие из которых затем по разным причинам годами «числились» в министерстве, не занимая штатной должности и не получая никакого жалования.

Что касается «дипломатического» экзамена, то здесь, напротив, достаточно подробно регламентировался порядок испытаний, и способностей, и «познаний», требуемых для определения на дипломатическую должность. Наряду с высокими требованиями к владению французским языком (знание английского и других языков поощрялось, но не было обязательным) в программу экзамена входили вопросы по международному праву, истории международных

договоров, политической экономии и всеобщей статистике. В свою очередь, «испытание способностей» включало составление записки на заданную тему на русском и французском языках, «из которой можно было бы удостовериться, в какой степени испытуемый чиновник усвоил себе этот предмет и изложил свои мысли и убеждения правильно и ясно». Таким образом, перед экзаменаторами ставилась двойная задача: выяснить уровень знаний чиновника в специальных областях, необходимых для дипломатической деятельности, а также его способности к главному делу дипломата – грамотному составлению политических документов.

В последующие годы программа экзамена постепенно усложнялась и совершенствовалась. В циркуляре 1875 г. предусматривалось, что за неделю до экзамена кандидату вручается печатное (или рукописное) сочинение статистического содержания, по которому он должен составить записку на русском и французском языках объёмом от трёх до пяти листов. Предлагалось представить в ней «изложение содержания книги или рукописи с указанием наиболее выдающихся в ней вопросов, стараясь вместе с тем, по возможности, отнестись к сочинению критически, сравнить с другими сочинениями, касающимися того же предмета, указать и разобрать (если представится к тому повод) те части книги, которые могут иметь, по тем или иным соображениям, ближайший интерес для нашего отечества» [16, с. 90–91]. Таким образом, от экзаменуемого требовалось проявить способность:

- во-первых, к критическому анализу предлагаемого материала;
- во-вторых, к оценке любого вопроса с точки зрения национальных интересов России.

Испытуемые также должны были проявить «знакомство с важнейшими данными из сравнительной статистики государств (преимущественно европейских), а также с главнейшими переменами в политической географии, совершившимися в последнее время» [16, с. 91]. Имелись в виду, в частности, изменения границ между государствами, новые конституции государств, новые пути сообщения и т.д. В соответствии с циркуляром 1899 г. была существенно изменена программа «предварительного испытания». Теперь оно уже не было простым собеседованием, а включало составление записки на заданную тему на русском и французском языках, которая предусматривалась в правилах 1859 г. для «дипломатического» экзамена [16, с. 207]. В том же циркуляре для «более систематической» подготовки чиновника к «дипломатическому» экзамену впервые приводился обширный перечень рекомендованной научной литературы, главным образом по политической экономии и международному праву.

В ходе реформирования МИД в 1907–1914 гг. образовательный ценз вышел на первое место среди критериев подбора дипломатических

кадров. В записке ДЛС и ХД в Государственную Думу от 17 марта 1910 г. отмечалось: «Повысившиеся требования службы заставляют... озаботиться подбором способнейшего и по предметам ведения министерства наиболее высокообразованного служебного персонала. Цель эта могла бы быть достигнута, с одной стороны, предъявлением к поступающим на службу в ведомство требований повышенного образовательного ценза, с другой же – установлением, сверх того, соответствующих приемных испытаний. А равно и усилением программы производимых по закону и ныне дипломатических экзаменов, при определении на дипломатические и консульские должности лиц, уже принятых на службу в ведомство» [1, л. 236].

В 1909 г. «предварительное испытание» окончательно превратилось в полноформатный вступительный экзамен. В его программу были включены французский язык, русское государственное право, политическая география, история и элементарный курс международного права, то есть большая часть предметов, ранее входивших в программу «дипломатического» экзамена. Вводилось также специальное положение о том, что в случае успешного испытания кандидатура экзаменуемого должна быть рассмотрена особым совещанием по кадровым вопросам, рекомендация которого о приёме данного лица на службу подлежала утверждению министром. В свою очередь, программа «дипломатического» экзамена дополнялась вопросами по консульскому праву [2, л. 4–5].

Созданная в МИД после Февральской революции 1917 г. новая комиссия по реформе условий прохождения службы вернулась к рассмотрению вопроса о дальнейшем усложнении программы вступительного и «дипломатического» экзаменов. При этом даже обсуждался проект учреждения специальных «научно-практических курсов» для подготовки к ним [3, л. 19–20]. Тем самым внешнеполитическое ведомство старой России на финальном отрезке своего существования вплотную подошло к организации специального образования для поступающих на дипломатическую службу.

Осуществить этот проект в охваченной революцией России уже не было возможности. Тем не менее опыт дореволюционного МИД не утратил своей актуальности, поскольку задал в целом правильный исторический вектор дальнейшего развития и совершенствования отечественных дипломатических кадров. Советская Россия, создававшая свою дипломатическую службу практически заново и вынужденная длительное время бороться за международное признание, не сразу встала на этот путь. Однако после Победы в Великой Отечественной войне, став одной из ведущих держав мира, СССР, как и другие крупные государства, столкнулся с необходимостью расширения штатов дипломатических служб и создания в этих целях специализированных учебных заведений для подготовки

■ История

специалистов международного профиля. Как и в дореволюционной России, этого требовал неуклонный процесс усложнения задач государства в области внешней политики и перемен в системе международных отношений.

Соответственно изменился подход к подготовке кадров. В старой России дипломатия, отвечая требованиям своего времени, была делом весьма ограниченного круга лиц, подбиравшихся в основном из высших слоев общества, на основе личных рекомендаций и в индивидуальном порядке. В новых же условиях, как писал известный советский дипломат А.Г. Ковалев, «правильнее и реалистичнее ста-

вить вопрос о качествах и достоинствах, которыми должна обладать дипломатическая служба данной страны в целом, а не отдельные ее представители» [14, с. 235–236]. Именно эта перемена сделала такие учебные центры, как МГИМО(У), Дипломатическая академия и профильные факультеты других российских вузов ключевыми звеньями в формировании специалистов-международников современного типа. Российская дипломатия XXI в., восстанавливая историческую преемственность, продолжает следовать лучшим традициям своих предшественников.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ), фонд Департамент личного состава и хозяйственных дел (далее - ф. ДЛС и ХД), опись 664-1, дело 72.
2. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 664/1, д. 144.
3. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 713, д. 285.
4. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, оп. 731, 1897, д. 12.
5. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 731, д. 44.
6. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 731, д. 141.
7. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, Исп. отделение, 1 стол, оп. 749-1, д. 1169.
8. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, оп. 749-3, д. 304.
9. АВПРИ, ф. КИД, оп. 724, д. 7.
10. АВПРИ, личный архив Извольского, оп. 835, д. 59.
11. АВПРИ. Ф. Отчёты МИД, оп. 475, д. 144.
12. АВПРИ, ф. Учебное отделение восточных языков, оп. 668, 1907 г., д. 236.
13. Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 403 с.
14. Ковалев А. Азбука дипломатии. М.: Международные отношения, 1993. 237 с.
15. Павлова С.В. Императорский Александровский лицей. СПб.: Паритет, 2002. 256 с.
16. Собрание циркуляров Министерства иностранных дел по департаменту личного состава и хозяйственных дел. 1840-1900, СПб. [МИД], 1900. XIV. 220 с.

Об авторе

Кузнецов Александр Игоревич – к.и.н., директор Историко-документального департамента МИД России.
E-mail: idd@mid.ru

THE PROTOTYPES OF MGIMO: FROM THE HISTORY OF SPECIALIZED DIPLOMATIC EDUCATION IN RUSSIA

A.I. Kuznetsov

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, 119200, Russia.

Abstract: *The article considers the history of establishing and developing specialized education of diplomats in the pre-revolutionary Russia that was perfected along with the professionalization and growth of the diplomatic service, while the country's international contacts expanded and grew more complicated. The author points out that specialized offices for foreign affairs and permanent diplomatic missions brought about the necessity of training personnel, which meant, in particular, developing specific skills and abilities. Perfecting the training of diplomats implied the growing role of higher education for the personnel in the diplomatic service and making entrance examinations to the Ministry of Foreign Affairs more and more difficult, which meant that the applicants had to possess specific knowledge in history, economics, law, regional studies, etc. The article analyzes the role of universities, lyceums and the Oriental Institute at the Asian Department of the*

Ministry of Foreign Affairs in professional training of diplomats. The author gives a detailed analysis of the evolution of approaches of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire towards raising the standards of training diplomats, the role of the educational qualification and entrance examinations to the diplomatic service. It finally led the Ministry to the idea of creating a specialized education centre.

Key words: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, Asian Department, Oriental Institute, specialized diplomatic education, educational qualification, diplomatic examinations.

References

1. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 664-1, file 72. (In Russian).
2. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 664/1, file 144. (In Russian).
3. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 713, file 285. (In Russian).
4. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 731, 1897, file 12. (In Russian).
5. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 731, file 44. (In Russian).
6. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 731, file 141. (In Russian).
7. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory, executive office, table 1, inventory 749-1, file 1169. (In Russian).
8. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 749-3, file 304. (In Russian).
9. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Department of personnel and economic affairs, inventory 724, file 7. (In Russian).
10. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund personal archive of Izvolsky, op. 835, file 59. (In Russian).
11. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. Fund Reports of the Ministry of Foreign Affairs, op. 475, file 144. (In Russian).
12. Foreign Policy Archives of the Russian Empire. f. Uchebnoe otdelenie vostochnyh jazykov, op. 668, 1907 g., file 236. (In Russian).
13. Kancler A.M. Gorchakov. 200 let so dnja rozhdenija. [A.M. Gorchakov. 200th anniversary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1998. 403 p. (In Russian).
14. Kovalev A. Azbuka diplomatii. [The ABC of Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1993. 237 p. (In Russian).
15. Pavlova S.V. Imperatorskij Aleksandrovskij licej. [The Imperial Alexandrovskiy Lyceum]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2002. 256 p. (In Russian).
16. Sobranie cirkuljarov ministerstva inostrannyh del po departamentu lichnogo sostava i hozjajstvennyh del. [Collection of Instructions of the Ministry of Foreign Affairs, Department of personnel and economic affairs] 840-1900, St. Petersburg, Ministry of Foreign Affairs Publ., 1900. XIV. 220 p. (In Russian).

About the author

Alexander I. Kuznetsov – PhD (History), Director, History&Records Department, Ministry of Foreign Affairs.
E-mail: idd@mid.ru